

Арзамазов Алексей Андреевич

ОБРАЗ ИЖЕВСКА В ПОЭЗИИ ВИКТОРА ШИБАНОВА

В статье рассматривается образ Ижевска в поэтическом творчестве Виктора Шибанова – яркого представителя удмуртского этнофутуристического течения. На анализе одного идиостиля выявляются изобразительные, психологические, социополитические контексты национальной поэтической урбанистики. Очевидно, что Ижевск в удмуртской словесности на рубеже веков становится ключевым литературным символом, в художественном восприятии синтезирующим удмуртские мифологические представления, авторские фантазии и реальность городской экзистенции в 1990-е.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 15-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, количество языковых единиц фразеологических союзов превышает количество лексических союзов (их соотношение на 10 страницах художественного текста – 2:1, на 10 страницах философских рассуждений – 3:1), что свидетельствует о проявлении аналитизма в языке Л. Н. Толстого, о стремлении писателя однозначно, точно выразить мысль. Однако частотность лексических союзов на исследуемых страницах выше употребления фразеологизмов-союзов. Логическая смысловая нагрузка фразеологизмов-союзов, связывающих относительно независимые конструкции, небольшая. Они оформляют однопорядковые сопоставления.

Проведенные исследования показали, что в анализируемом тексте преобладают фразеологизмы-союзы, связывающие зависимые конструкции: на страницах художественного текста – союзы, оформляющие временные отношения, на страницах философских рассуждений – союзы, оформляющие причинные отношения, что соответствует данным типам речи. С их помощью на страницах философских рассуждений Толстой устанавливает зависимость между логично несопоставимыми фактами и достигает выражения иронии, а на страницах художественного текста – между реальными фактами, подчеркивая правдивость и наглядность описываемых событий.

Список литературы

1. **Аверина М. А.** Компаративные фразеологизмы-союзы как элемент лингвистической интертекстуальности // Альманах современной науки и образования. 2013. № 7. С. 10-12.
2. **Аверина М. А.** Компонентный состав фразеологизмов-союзов современного русского языка // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Ставрополь: Логос, 2012. Вып. 5. Ч. 1. С. 40-46.
3. **Аверина М. А.** Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2004. 23 с.
4. **Поспелова Ю. О.** Композиционно-синтаксическая специфика изображения времени в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 113-117.
5. **Словарь русского языка:** в 4 т. М.: Русский язык, 1988.
6. **Толстой Л. Н.** Война и мир. М.: Детская литература, 2012. Т. 3. 446 с.
7. **Шаповаленко Ю. В.** Философское наполнение лексем с семантикой смерти как особенность идиостиля Л. Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2010. № 2. С. 126-132.

PHRASEOLOGICAL UNIT-CONJUNCTION FUNCTIONING IN L. N. TOLSTOY'S LANGUAGE (BY MATERIAL OF FICTION AND PHILOSOPHICAL TEXTS OF THE EPIC NOVEL «WAR AND PEACE»)

Averina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology

*South-Ural State University (National Research University), branch in the town of Ozyorsk in Chelyabinsk region
marina651@mail.ru*

The author describes the results of the research devoted to the analysis of the phraseological unit-conjunction usage in fiction and philosophical texts of the epic novel by L. N. Tolstoy «War and Peace». The presence of phraseological means of connection demonstrates the analitism in the word man's language, his aim to express an idea unambiguously and to the point. The article reveals that phraseological units-conjunctions are the most frequent in the text.

Key words and phrases: phraseological unit-conjunction; component; intertextuality; interpretation.

УДК 821.511.131

Филологические науки

В статье рассматривается образ Ижевска в поэтическом творчестве Виктора Шибанова – яркого представителя удмуртского этнофутуристического течения. На анализе одного идиостиля выявляются изобразительные, психологические, социополитические контексты национальной поэтической урбанистики. Очевидно, что Ижевск в удмуртской словесности на рубеже веков становится ключевым литературным символом, в художественном восприятии синтезирующим удмуртские мифологические представления, авторские фантазии и реальность городской экзистенции в 1990-е.

Ключевые слова и фразы: образ Ижевска; урбанистический код; «риторика эпохи»; идиостиль; удмуртский этнофутуризм.

Арзамазов Алексей Андреевич, к. филол. н.

*Удмуртский институт истории языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
arzami@rambler.ru*

ОБРАЗ ИЖЕВСКА В ПОЭЗИИ ВИКТОРА ШИБАНОВА ©

Тема города в художественной литературе как объект исследования достаточно популярна в современных гуманитарных областях – литературоведении, культурологии, искусствознании, социологии, психологии. Пожалуй, еще большим многообразием отличается корпус изучения урбанистического текста за пределами

словесности. «В гуманитарных науках город понимается как сложный социокультурный феномен и представляется как открытая и динамичная система, место мобильности и деятельности. Исследователи пишут о невозможности оценивать город в качестве единого целого, свести многообразие городских явлений к какой-либо системной целостности. Обращение гуманитаристики к теме города становится особенно актуальным в связи с повышением исследовательского интереса к символике пространства» [6, с. 3]. Работы, посвященные городскому феномену, структурно, содержательно разнородны. Это и строгие научные интерпретации – монографии, статьи, это и эссеистика, выходящая на первые роли в современных урбанистических штудиях. На «тело» и «душу» города претендуют многие. Создаются целые биографии городов, научно моделируются их культурные тексты. Вынося за скобки малоизвестный в российском научном контексте зарубежный опыт гуманитарного описания урбанистических центров в литературе, в аспекте данной работы логичнее сосредоточиться на теоретико-методологических разработках отечественных исследователей. В изучении феноменологии Ижевска, удмуртского поэтического ощущения города оказались важными, порой конституирующими как классические труды [3; 7; 13; 14], так и современные [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 15; 17].

География городов, отраженных в словесном творчестве, постоянно расширяется (речь идет о России). Официальная и культурная столицы – Москва и Санкт-Петербург – в силу централизованности страны, художественной традиции остаются главными *genius loci* русской литературы и литературоведения, однако интенсивно формируются региональные городские измерения. Екатеринбург, Воронеж, Калининград, Пермь, Казань и другие города «обрастают» текстами, авторскими восприятиями, участвуют в создании своеобразной урбанистической интертекстуальности, где перекликаются «свое» и «чужое», «общее» и «особенное». Вместе с тем российский город может являться сложным этнокультурным образованием, аккумулировать этнопсихологические конфликты, становиться пространством борьбы, противостояния традиционной культуры, этнической картины мира и современной индустриальной реальности.

Город в XXI столетии вездесущ. Урбанистическая цивилизация покоряет еще недавно затерянные среди лесов «материки», навязывает свой образ жизни, мысли, обрекая человека, сформированного другим мировоззрением, на значительное усложнение внутренних процессов, которое иногда может сломать. Один из устойчивых измерений любого города составляют «люди природы» – те, чье детство, юность проходили в иной ландшафтной зоне, в почти оптимальных экологических условиях. Там «работали» иные правила, «программы действия», отменить которые без серьезных последствий в городе уже невозможно. Подавляющее большинство удмуртской интеллигенции родилось и выросло в деревне. Позже одни приезжали в Ижевск получать высшее образование (у некоторых был более тернистый путь), другие заканчивали иногородние (чаще – московские) вузы, возвращались в столицу Удмуртии работать, отдавать своему народу, республике обретенные знания, навыки. Таким образом, Ижевск фактически никогда не был местом рождения, первых слов, первых чувств. Будучи вынужденным пространственно-экзистенциальным центром, он начинал влиять на самосознание удмуртского интеллигента, резонировать с его психологическими и социальными обострениями, неудачами.

Статус города Ижевск получает поздно (в 1918 г.), к началу XX столетия оставаясь заводским поселком огромных размеров. В 1921 г. он получает свой первый столичный статус (Вотская автономная область), в 1934 году становится столицей Удмуртской АССР. Исторически так сложилось, что главный город Удмуртии в полной мере не является удмуртским. Ижевские локусы не сопрягаются рефлексирующим этнофором с духовной картиной мира удмуртов, здесь не сформировалось фронтальное коммуникативное измерение, в основе которого был бы удмуртский язык. Перечень причин сложных взаимоотношений удмуртов и Ижевска, разумеется, может быть продолжен. Комментируя дискомфорт, напряженность самоощущения национальной интеллигенции, следует заметить, что Ижевск – город с ярко выраженным индустриально-техническим менталитетом. Поэты, писатели, художники, ученые, живущие этнокультурными гуманитарными интересами, чувствуют значительное сопротивление среды, становятся заложниками неприятия ценностей, посылов, установок, определяющих творческую личность. Впрочем, в советские годы многие социопсихологические диссонансы были завуалированы, смягчены потребностью власти в спокойном, ровном, предсказуемом гуманитарном процессе – людям искусства раздавались материальные и «политические» привилегии. Вместе с тем на исходе 1970-х гг. удмуртский художник, крепко привязанный к городу, все более тяготится своим положением, подсознательно страшится собственной урбанистической зависимости. «Тихая лирика» не случилась просто так. Это течение – зов сердца, крови, оно обусловлено генетикой, мировидением удмуртского писателя. Поэтизируя природу, он, вероятно, закрывался от индустриальности Ижевска, восстанавливал внутренние связи с полнокровным удмуртским укладом жизни.

Город становится главным объектом удмуртского гуманитарного дискурса, оказывается ключевым топосом удмуртской литературы, в первую очередь – поэзии, в начале 1990-х гг., когда поиск новых культурных символов совпал с обесцениванием прежних идеалов, крахом надежд, почти мгновенной поляризацией общества. Столица Удмуртии начинает ассоциироваться с темой власти, политическими интригами, экономическими махинациями, коррупцией, криминальными разборками, социальными обманами.

Яркие примеры удмуртской поэтической урбанистики явлены в творчестве Виктора Шибанова. Его книга «Ос» («Дверь», 2003 г.) – пожалуй, одна из наиболее интересных, художественно-симптоматичных явлений в удмуртской литературе рубежа столетий. Книга долгожданная, поскольку предыдущий сборник В. Шибанова «Уйшоре бертүсько» («Возвращаюсь в полночь») был издан в далеком 1991 году. В таких случаях от поэта и издания ждут новых стихов. Однако В. Шибанов решил иначе: «Ос», будучи приуроченной к юбилею Владимира Романова, отражает постромановское время. Тексты, включенные в сборник,

датированы 1991-1995 гг., когда молодые удмуртские писатели творчески ориентировались на своего старшего коллегу, наставника. Следует оговориться, что книга «Ос» не оказалась заложницей романовской поэтики, хотя два идиостилия, две мировоззренческие системы сближаются-соревнуются в выражении концептуальных смыслов и вымыслов эпохи. Фон многих стихотворений – стремительно развивающийся, рвущийся своей индустриальностью в будущность город. Лирический герой, генетически связанный с деревней, но работающий в городе, напротив, живет прошлым, ему сложно принять новую постсоветскую реальность. Город – это огромное общежитие, в котором тысячи общежитий. И в каждой тысяче живут тысячи людей. И сам человек – общежитие. В его душе слышатся крики настоящего в длинном унылом коридоре прошлого.

Образ Ижевска в рассматриваемой книге является сквозным – он оживает, становится активным действующим лицом, наблюдающим, а еще чаще – вмешивающимся в жизнь авторского субъекта. Человек чувствует и поэтически описывает, как город покушается на его внутреннее спокойствие, забирает и обесценивает время, лишает мотивации, манипулирует поведением. Восприятие Ижевска в стихах Шибанова имеет существенное автобиографическое начало. Обращаясь к текстам, невозможно оставить без внимания модель экзистенции самого поэта в первой половине 1990-х: дом-общежитие, серо-унылые улицы, ведущие в *alma mater*, вросшие в грунт и грязь хрущевки, автобусно-троллейбусные встречи с ментально чуждыми людьми. Столица Удмуртии в сборнике «Ос» представлена как вполне реалистичными пейзажно-панорамными деталями, так и серией метафор, мифологем. Ижевск огромной серой стеной изолирует, замуровывает героя, не оставляя шансов выбраться из бетонной паутины. Его любовные отношения запутаны, сложны, любовь как будто страшится городской действительности, прячется в сновидениях, обрастает вымыслами в полусонных мечтаниях мужского «Я». В дне сегодняшнем, в осязаемом мире – непонимание, обиды, сломанные судьбы и жутковатое устройство города, подавляющее, вовлекающее в зависимость, подчиняющее своим ритмам. «Рисунок» Ижевска снова выдержан в мрачно-сумеречных тонах повседневности: *Ульчаосын сино ни черодъёс, / Шимес мырзиськыло машинаос. / Лымшиор бере ик возъяське акшан, / Дунне вылын – трос ымнырьем ишан. / Жожмыт ульчаётй мыныкумы, / Лымы вылтй гылзо вужеръёсмы* [16, с. 5]... / На улицах становится меньше очередей, / Страшно сталкиваются машины. / Сразу после обеда спускаются сумерки, / Миром правит многоликий призрак. / Когда идем мы по унылой улице, / По снегу скользят наши тени... (*Здесь и далее перевод мой – А. А.*)

Закрытое пространство жилища не защищает от воздействия внешних городских сил. В стихотворении «Кудлань» («Куда») [Там же, с. 34] субъект закрывает дверь, но результат все тот же – черный лес, скользкое от дождя шоссе, «дефицитные» очереди у «магнитофонного» завода мелькают в окне общежитского плена, а темноту комнаты исследуют неизвестные руки. За этой мистической сценой скрывается одиночество. Лирический герой, преподаватель университета, принимающий у соседей по общежитию зачет и заинтересованно коммуницирующий со студентами, вдруг осознает определенную нелепость, наигранность, корыстность таких взаимоотношений. Ему кажется, что на самом деле он никому не нужен. На заднем фоне стихотворения – обрывочные факты переживания первых лет постсоветской современности.

Ижевск в воспринимаемом сознании авторского «Я» ассоциируется с тенью, концептуальным символом удмуртской поэзии, сопровождающим неприятности, различные роковые обстоятельства. Тени поработают героя, превращают его в марионетку города. Ему сложно дышать, его жизнь скована пессимистическим ожиданием: *Вильысь вуи Иже. / Шокан тымиськемын. / Кыче урод вужер / Вите таяз арын? / Монэ со вужеръёс / Серметаса нулло, / Ышто, вошто, быръё, / Кытко, пунэмало. / Укно съёрын кин ке / Кыллэсь пунэ гозы – / Сыче тон, Ижевске, / Пыртосьёслэн карзы* [Там же, с. 15]... / Снова я приехал в Ижевск, / Дыхания не хватает. / Какая злобная тень / Ждет меня в этом году? / Эти тени, / Надев на меня узду, водят, / Теряют, обменивают, выбирают, / Запрягают, одалживают. / За окном кто-то / Из слов плетет веревку. / Такой ты, мой Ижевск, / Город приемышей... Одним из художественно-изобразительных штрихов ижевских хронотопов в творчестве В. Шибанова являются разрушенность, визуально фиксируемая ущербность, деформированность. В тексте «Фрейдя» («По Фрейду») [Там же, с. 17-18] разбитое стекло киоска становится образным синонимом внутренней разбитости лирического субъекта, разделяющего злобу невзаимной любви с полночью. В городских условиях не теряет свою остроту мифологическая чувствительность / впечатлительность «Я», детерминированная подсознательной включенностью в удмуртскую традиционную культуру. Страшилки на *вожодыр* (святки) накладываются на мистическую природу Ижевска, «рифмуются» со зловещей сущностью города.

Примечательным с точки зрения художественной репрезентации жизни удмуртского поэта, филолога в Ижевске представляется цикл «Пож ву» («Грязная вода») [Там же, с. 21-24]. Восемь небольших текстов фрагментируют мысли, чувства героя. Его угнетают собственное материальное положение, нерешенность жилищного вопроса, осознание своей социальной беспомощности, бесперспективности. Впрочем, авторский субъект привычно воспринимает внешнюю городскую реальность, «бытовизмы» общежитского заключения, тотальное безденежье как некий сюрреалистический пейзаж / натюрморт / ситуацию, как объект для творческого описания. Так, визуальный образ густой, грязно-красной воды, стекающей по подоконнику и имеющей банально-естественное происхождение (тает мясо), вдруг оказывается важным «постмодернистским» знаком, побудительным сигналом к действию (*Одно ик гожтыны кутско роман / Непременно писать начну роман*). Творческо-поэтическое самосознание в случае с лирическим «Я» выступает как экзистенциальный стержень, позволяющий несколько свысока смотреть на объективные обстоятельства эпохи, сопоставлять сценарий своей судьбы с судьбами великих людей. Упоминание Иосифа Бродского, которому пришлось пережить суды, психбольницы, эмиграцию, неслучайно: драматическая значительность биографии русского поэта «сталкивается»

с бытовым негодованием «Я», и тем самым, по-видимому, происходит некая психологическая разрядка, переключающая (правда, не сразу) авторское повествование на более жизнеутверждающую тональность.

Общежитие символизирует судьбу лирического героя, этот топос видится ему как клетка, лабиринт, из которых очень сложно выйти, в которых легко потерять себя: *Адзонэ мынам – огьякорка. / Со вуиз гулаггёс интые, / Со воийз психкорка четлыкез / Кызетий даурлэн пумаз. / Татын дыр уг мыны азьлань, / Со кошке кытчы ке палдурес* [Там же, с. 42]... / Судьба моя – общежитие. / Оно появилось вместо гулаггов, / Оно заменило плен психбольниц / В конце двадцатого века. / Здесь время не идет вперед, / Оно уходит куда-то однобоко... Спасительным светом в тоннеле мрачных общежитских коридоров может стать только любовь, однако и она своей односторонностью не оправдывает ожиданий и вынуждает обратиться «Я» к дьяволу поэзии.

Колоритный образ города представлен в произведении «Мар-о луиз?» («Что случилось?»). Герой уже сутра ощущает на себе неприязнь урбанистической реальности – телефонные автоматы сломаны, когда срочно нужно позвонить, троллейбус срывается с места, не дожидаясь «Я»-пассажира. Кульминация стихотворного сюжета – диалог лирического субъекта с тридцатиэтажной Тенью-Туманом, который объявляет себя его защитником, покровителем, вдохновителем, подчеркивая особую взаимосвязь персонажа с городским хронотопом. Стихотворение не обходится без образно-оценочных характеристик Ижевска: *Чын-акшан гинэ Иж вадескын / Чук зардонэз жегатэ. / Укноос гинэ из юртъерысь / Кырмышьяло. / Гумьос гинэ Иж заводьсь / Кылдысинлэсь инбамзэ възьттэм саптало* [Там же, с. 29-30]... / Только сумеречный дым над Ижевском / Утреннюю зарю задерживает. / Только окна каменного дома / Подмигивают. / Только трубы ижевского завода / Небо Кылдысина бессовестно загрязняют... Город снова закрыт дымом-сумерками, трубы заводов беспощадно отравляют небо, тусклые огоньки ижевских окон заменяют людям солнечный свет.

Важное стихотворение в плане художественной логики изображения Ижевска В. Шибановым – «Уртгёс» («Души умерших»). Лирический субъект, возвращаясь в столицу, сталкивается с ее иномиром, погруженным в «мистериальные» дым и туман, оттенки которых резонируют с полумраком сумерек, с предсонным настроением, мистифицируют жизнь города. Герой едет в пустом автобусе, за окнами мелькают огни нефтяных вышек, выкачивающих недра удмуртской земли. «Я» в сумеречной синеве ощущает присутствие на свободных сидениях душ умерших, спешащих в Ижевск по своим делам. Подчеркивается, что они там востребованы. Ижевск поэтически сравнивается с водоворотом, который «проглатывает» жизненные силы, оставляя взамен пустоту и равнодушие. Автор полагает, что в этом городе процветает дьявольский род (*шайтан выжы*), а чувствительный человек обрекает себя на мучительное внутреннее замерзание, здесь его ждет вязкое одиночество. Неизменным сегментом образной манифестации Ижевска Шибанова являются заводские трубы: *Турбаосысь пожесь чынгёс жутско – / Озыы судо чылкыт осконгёсты. / Быро лулгёс. / Мозмем интыязы / Лыкто уртгёс / Акшан вакытгёсы* [Там же, с. 39]. / Из труб выходит грязный дым – / Так жгут чистые надежды. / Погибают души. / Вместо них / Приходят души умерших / В сумеречное время.

Между любовно-ожидательным томлением лирического «Я» и городом устанавливается определенная образно-ассоциативная связь. Память чувства оказывается долгой, цепкой, актуализирующей изобразительные отрывки одиноких урбанистических будней. Таинственное мелькание за шторами заводского дыма, трамвайное расставание, «разбитые» киоски: *Мон вити тонэ берлань, / Жыт-чужлы пумит, / Бертыса, йыринуллань, / Съод, кырыж, жомыт, / Трамвайлэн кошкеменыз, / Контрольлэн йыркуреныз, / Ишклатэм бирдыосын, / Сöрылэм киоскёсын* [Там же, с. 45]... / Я ждал тебя до десяти, / До полуночи ждал. / Смотрел на дым заводов / Сквозь шторы. / Я ждал тебя, / Несмотря на вечер, на утро. / Возвращаясь домой, вниз головой, / Черный, кривой, сумрачный. / Ждал тебя с уезжающим трамваем, / Злобой контролера, / Оторванными пуговицами, / Разбитыми киосками...

Ижевск в поэтическом творчестве В. Шибанова как первичный образ «обозначился» в начале 1990-х. В эти годы поэзия была его главным интересом (позже на первый план выходит литературоведение, теоретизация этнофутуризма), а жизнь в общежитии, думается, обостряла восприятие ижевских реалий, делала ближе к городу. Кроме того, урбанистический код усилил свое влияние в национальной литературе и в связи с постсоветскими поисками новых художественных центров, новых изобразительных доминант, героев и антигероев времени.

В целом Ижевск не отличается большой концентрацией архитектурных памятников, наличием культовых исторических мест, выдающихся эстетических артефактов. Его литературно-художественные отражения не несут в себе глубинно кодифицированных культурных посылов, они в первую очередь являются экстраполяцией творческого воображения современных удмуртских поэтов, сочетая в себе мифологический и реалистический подтексты. Психологические пласты значительно преобладают над культурно-историческими. Ижевск в ощущениях удмуртских писателей – город-завод, город-тюрьма, город-общежитие, здесь не хватает воздуха, природы, солнца, спокойствия, человеческого тепла, понимания. Это город обманов, миражей, иллюзий, разочарований, внутренних распадов, пустот, предотвратить, заполнить которые, кажется, невозможно. По всей вероятности, художественная рецепция Ижевска постепенно будет меняться. Есть основание полагать, что рано или поздно сложится комплекс осторожных положительных творческих дискурсов, а столица Удмуртии перестанет быть синонимом одиночества и боли для удмуртской гуманитарной интеллигенции.

Рассмотрение образа Ижевска в современной удмуртской поэзии вписывается в исследовательские стратегии, посвященные городам российской провинции.

Список литературы

1. **Абашев В. В.** Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. 199 с.
2. **Абашев В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
3. **Анциферов Н. П.** Душа Петербурга. Петроград: Издательство Брокгауз и Ефрон, 1922. 227 с.
4. **Брио В.** Поэзия и поэтика города *Wilno – Vilnius*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 264 с.
5. **Гаврилина Л. М.** Символическое пространство «калининградского текста» // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 66-72.
6. **Клочкова Ю. В.** Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.
7. **Лотман Ю. М.** Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Т. 18. С. 30-45.
8. **Люсый А. П.** Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
9. **Маринина Ю. А.** Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века: от Бодлера к символистам. Н. Новгород, 2007. 207 с.
10. **Махаев В. Б.** Уездный ужас: образ русского провинциального города в художественной литературе 1860-1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://marhdi.mrsu.ru/2009-1/pdf/3Махаев.pdf> (дата обращения: 02.06.2013).
11. **МиМТ: Москва и «московский текст» русской культуры:** сб. ст. / под ред. Г. С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. 380 с.
12. **Созина Е. К.** «Екатеринбургский текст» Натальи Смирновой // Урал. 2005. № 4. С. 220-225.
13. **Топоров В. Н.** Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
14. **Топоров В. Н.** *Vilnius, Wilno*, Вильна: город и миф // Балто-славянские этнолингвистические контакты. М.: Наука, 1980. С. 3-71.
15. **Трушина Л. Е.** Образ города и городской среды. СПб., 2000. 205 с.
16. **Шибанов В. Л.** Ос. Ижевск: Инвожо, 2003. 56 с.
17. **Эртнер Е. Н.** Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень, 2005. 211 с.

IMAGE OF IZHEVSK IN POETRY OF VIKTOR SHIBANOV

Arzamazov Aleksei Andreevich, Ph. D. in Philology
Udmurt Institute of History, Language and Literature
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
 arzami@rambler.ru

The article considers the image of Izhevsk in the poetic works of Viktor Shibanov, who is a brilliant representative of the Udmurt ethnofuturistic trend. The figurative, psychological, social-political contexts of national poetic urbanism are revealed by the analysis of one idiostyle. It is obvious that Izhevsk in the Udmurt literature at the turn of the centuries became a key literary symbol in the artistic perception, synthesizing the Udmurt mythological ideas, author's imagination and the reality of urban existence in the 1990s.

Key words and phrases: image of Izhevsk; urban code; «rhetoric of era»; idiostyle; Udmurt ethnofuturism.

УДК 81.111

Филологические науки

В данной статье рассматривается проблема отрицательной оценки во фразеологических единицах английского и немецкого языков. Фразеологизмы, отобранные из различных лексикографических источников, были квалифицированы по группам в соответствии с отраженными в них негативными признаками, характеризующими человека. В статье приводится анализ фразеологических единиц со значением «вспыльчивость».

Ключевые слова и фразы: отрицательная оценка; фразеологические единицы; лингвокультурология; контрастивная фразеология; фразеография.

Арсланова Алина Ильгизовна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
 alinaarlanova@yandex.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКОЙ
 ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

Наше исследование посвящено исследованию фразеологических единиц (далее – ФЕ) английского и немецкого языков, относящихся к описанию характера человека.

Фразеологизмы часто используются для характеристики объекта и несут в себе оценочность (положительную, отрицательную или нейтральную). Человек рассматривает предмет, сравнивая его с тем, что, по его мнению, представляет собой стандарт. Если что-то отклоняется от него в худшую сторону, оно несёт